

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-482-496

Формирование социальной памяти молодежи государств-участников евразийской интеграции*

Г.И. Осадчая, Е.Ю. Киреев, М.Л. Варганова, А.А. Черникова

Институт демографических исследований — обособленное подразделение ФНИСЦ РАН
ул. Фотиевой, 6, к. 1, Москва, 119333, Россия
(e-mail: osadchaya111@gmail.com; yegorkireev@gmail.com;
11marina11@mail.ru; aannyu@yandex.ru)

Аннотация. Формирование социальной памяти молодежи евразийских стран в последние тридцать лет проходило под влиянием множества «акторов коммерциативного пространства», зачастую преследовавших свои цели в борьбе за легитимацию нового политического порядка и оправдание своего курса на радикальную трансформацию экономики. Результаты их усилий следует учитывать в реализации одного из самых важных совместных проектов постсоветских стран — евразийской интеграции, поскольку социальная память молодежи — важнейший ресурс ее успеха. Цель исследования — уточнение и оценка механизмов сохранения информации о прошлом, особенностей представлений поколения Y об общей истории и современном этапе строительства ЕАЭС, присутствующих в публичном дискурсе, установление взаимосвязи между отношением к прошлому и к интеграционным процессам в Евразии, влияния социальной памяти на позицию человека, предложение форм и способов ее реконструкции в интересах расширения взаимодействия постсоветских стран и повышения эффективности политики памяти. Под формированием социальной памяти понимается деятельность акторов (индивидов, групп, организаций, социальных институтов, общностей), направленная на молодежь стран, участвующих в евразийской интеграции, — по продвижению своей интерпретации коллективного прошлого и общего настоящего. Эмпирический объект исследования представлен молодыми гражданами стран-членов и стран-кандидатов на вступление в ЕАЭС (18–38 лет), проживающими, обучающимися или работающими в Москве. В статье дается оценка респондентами вклада каждого из акторов в процесс формирования социальной памяти и характеристика социальной памяти поколения Y как совокупности взглядов, чувств и настроений, отражающих восприятие советского прошлого и интеграционного настоящего. Делается вывод о необходимости целенаправленной политики лидеров стран, принимающих участие в евразийской интеграции, по реконструкции социальной памяти молодежи и консолидации обществ.

Ключевые слова: социальная память; молодежь; поколение Y; евразийская интеграция; политика памяти; акторы формирования социальной памяти

Формирование комплементарного контента социальной памяти молодежи о едином прошлом и совместном настоящем — важнейший фактор позитивного сценария интеграции государств Евразии, условие успешного позиционирования Евразийского союза в мировой политике, сохранения

* © Осадчая Г.И., Киреев Е.Ю., Варганова М.Л., Черникова А.А., 2021
Статья поступила 13.04.2021 г. Статья принята к публикации 04.06.2021 г.

исторических смыслов и консолидации обществ. Однако сегодня нет достоверного, эмпирически подтвержденного знания о результатах деятельности акторов, оказывающих влияние на характер и содержание социальной памяти молодежи, об эффективности механизмов ее формирования и поддержке поколением Y строительства нового социально-экономического евразийского пространства в интересах населения и конкурентоспособности каждого из государств. Актуальность и практическая значимость исследования также обусловлена усиливающейся борьбой нарративов за трактовку событий, образов и смыслов эпохи СССР и нынешних процессов евразийской интеграции, активизацией попыток манипулирования сознанием молодых.

В современном научном дискурсе обсуждаются в основном теоретические аспекты изучения социальной памяти и политики памяти [7; 10; 14; 19; 21; 22; 23; 24; 26; 31; 32]. Немногочисленные попытки их эмпирического анализа предпринимались в изучении частных проблем или локальных территорий [2; 6; 8; 9; 11; 12], что можно объяснить сложностью измерения объема и содержания данных феноменов, способов и результатов передачи старшими поколениями младшим социальных ценностей, опасениями оказаться непolitкорректными. Цель исследования — оценка механизмов социализации прошлого, особенностей представлений поколения Y об общей истории и современном этапе строительства ЕЭАС, предложение форм и способов ее реконструкции в интересах расширения социального взаимодействия народов постсоветских стран. Под формированием социальной памяти мы понимаем деятельность субъектов, участвующих в евразийской интеграции, по продвижению своей интерпретации коллективного прошлого и общего настоящего, разделяя, тем самым, конструктивистский подход «о множественности акторов коммуникативного пространства и их политик памяти, ситуативном характере политики и множестве идентичностей» [5].

К основным направлениям формирования социальной памяти молодежи Евразии мы относим презентацию коллективного прошлого и настоящего в условиях, когда многие исторические или современные факты по-разному трактуются, переосмысливаются, реинтерпретируются, выдумываются или забываются в целях конструирования образа «свой–чужой», обеспечения сплоченности за счет формирования чувства принадлежности, с помощью следующих форм (инструментов, механизмов): семейный нарратив памяти, учреждение праздников и «изобретение новых традиций» [30], отмечание памятных дат, строительство или снос памятников, называние или переименование улиц, использование образов исторической деятельности и создание образа современного героя, разработку образовательных стандартов, единой концепции преподавания истории, подготовку документальных и художественных фильмов, книг, организацию выставок и музеев, создание публичного дискурса в медиа, формирование повестки публичных дискуссий, внесение евразийской проблематики. В оценке эффективности формирования социальной памяти мы опираемся на идеи М. Хальбвакса [29], А. Ассман [33], М. Хирша [34], Я. Зерубавель [13] и П. Нора [35].

В качестве эмпирического объекта выступает молодежь — представители «миллениалов» и «постмиллениалов» (18–38 лет) — стран-членов и стран-кандидатов на вступление в ЕАЭС. К моменту распада СССР самым старшим из них было не более 6 лет, и при конструировании личной карты событий прошлого они опирались на рассказы родителей, учителей, формы визуальной репрезентации произошедшего и собственное воображение, и это то молодое поколение, которое будет определять судьбу интеграционных процессов в ближайшие 20–25 лет. Поколения миллениалов в постсоветских государствах в силу большого количества дифференцирующих факторов не однородны. Восприятие прошлого всегда опосредовано разделяемыми ценностями и жизненным опытом, сформировавшимся миропониманием, а оно по мере взросления меняется и оценивается с позиций социальной реальности и представлений о будущем, поэтому смысловые конструкты прошлых событий могут не совпадать как внутри молодых поколений каждой страны, так и разных стран. Было опрошено молодых граждан в возрасте 18–38 лет, проживающих, обучающихся или работающих в Москве: 2019 год — 350 (глубинные интервью по 50 информантов из каждой группы); 2020 — 2949 (структурированные интервью: Армения — 412, Беларусь — 442, Казахстан — 405, Кыргызстан — 401, Россия — 478, Молдова — 409, Таджикистан — 402); 2021 — 105 информантов (глубинные интервью по 15 информантов из каждой группы) с использованием метода «снежного кома» по двум основным признакам — возраст и гражданство.

Все постсоветские страны проводят политику памяти в соответствии с моделями, которые существенно различаются, но в одном они схожи: в «формировании национальной идентичности постсоциалистических стран вместо позитивной программы, ...поиска компромисса в интерпретации сложных и трагических эпизодов совместной истории, признания общей ответственности за них или их совместного “забывания”, политические и интеллектуальные элиты большинства постсоциалистических стран, наоборот, делают все для их актуализации и политизации, формируя и концептуализируя мифологемы массового сознания, придавая видимость научной обоснованности примитивным ксенофобиям и идиосинкразиям» [4]. На формирование социальной памяти оказывает влияние коммуникационная и информационная среда, в которой человек/группа находится. Механизмами актуализации и стимулирования социальной памяти выступают референтные группы, праздники, места памяти, образование, СМИ, литература, фильмы.

По оценкам респондентов, главный вклад в конструирование их памяти о прошлом вносит семья, что не подтверждает выводы ряда специалистов об ограниченном наборе инструментов влияния семьи на социальную память [34]. Социальная память об общем прошлом опирается на устную передачу индивидуального опыта, характеризующуюся высокой степенью неформальности. Важный источник информации о советском прошлом и истории страны для опрошенных из всех стран — школа (Рис. 1).

Рис 1. Основные источники информации о советском прошлом и прошлом страны

Семейный нарратив о прошлом, как правило, носит локальный характер, не в полной мере отражает реалии Советского Союза, искажает событийный ряд исторических фактов. Следует также иметь в виду возрастные рамки исследования: респонденты изучали изменяющееся содержание исторического дискурса, в котором после 1990 года усиливалось отрицание советского опыта, а интерпретация исторических событий все в большей мере была связана с обоснованием нового политического порядка и права на суверенитет, независимость, что подтверждается различиями представлений респондентов о СССР по возрастным группам (Рис. 2). Однако это не дает оснований говорить, что именно первые три источника являются основными регуляторами памяти поколения Y. Согласно Таблице 1, характер информации, степень доверия к ней и ее принятие не однозначны, что свидетельствует о критическом восприятии молодыми коммуникативной и культурной составляющих памяти. Позитивная репрезентация прошлого старшим поколением, музеями, выставками, мемориальными комплексами (более 70%), другими каналами (50%–60%), впрочем, как и негативная, может нивелироваться особенностями личностного восприятия, интерпретацией событий прошлого как символического ресурса, доступной информацией, включенностью в конкретные среды и последствиями регулирования воспоминаний о прошлом. Кроме того, информация, транслируемая всеми каналами, у 40% респондентов не прошла верификацию личным опытом.

Каждый шестой респондент отметил важную роль книг и фильмов, апеллирующих к эмоциональной стороне памяти, и только один из десяти — роль Интернета и СМИ, хотя в Интернете представлен широкий спектр информации о советском прошлом — в Рунете множество ресурсов, которые направлены на

репрезентацию как негативного, так и позитивного образа СССР. Очевидно, что во всемирной паутине молодых привлекают другие информационные продукты и сети.

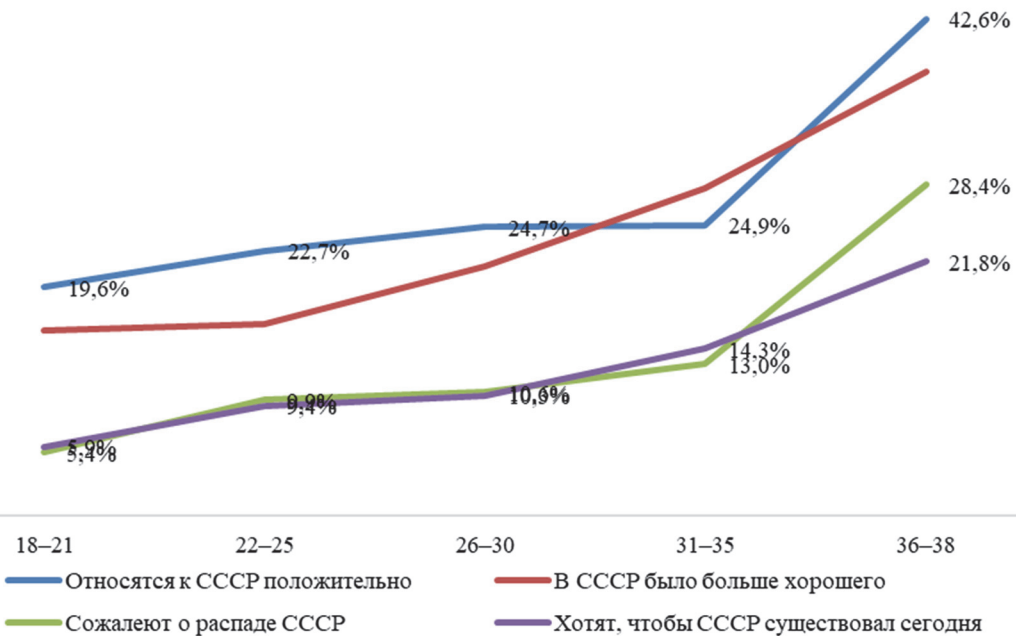

Рис. 2. Зависимость суждений респондентов об СССР от возраста

Таблица 1

Представления молодежи о характере информации, получаемой от разных акторов и отличия личной точки зрения от их оценки прошлого (в %)

Акторы	Характер информации Положительный + Скорее положительный	Отличие точки зрения Да + Скорее да
Родители	73,7	39,1
Бабушки, дедушки	77,8	42,8
Школьная программа	71,2	43
Традиционные СМИ	58,6	42,3
Новые медиа, социальные сети, блоги	58,6	39,1
Официальная позиция политических лидеров	52,4	40,8
Музеи, выставки, мемориальные комплексы	71,2	33,4

Учитывая возрастающую роль информационных технологий, следует отметить преобладание отрицательного контента в новых медиа, социальных сетях, блогах и мессенджерах Беларуси и России (Беларусь: контент «положительный и скорее положительный» — 31,5%, «скорее отрицательный и отрицательный» — 50,7%; Россия — 29,7% и 53,6% соответственно) и отличие

точки зрения молодежи ряда стран от официально транслируемых позиций политических лидеров (Беларусь: «да и скорее да» — 48,2%, «скорее нет и нет» — 30,5%, Россия — 45% и 33,2%, Молдова — 42,3% и 32,8%), а также относительно большую долю респондентов, затруднившихся ответить на вопрос, особенно среди граждан Армении — 26,7%, Кыргызстана — 27,9%, Таджикистана — 26,1%.

Обладая разной силой воздействия, каждый канал информации влияет на формирование социальной памяти, усложняя ее структуру и определяя альтернативные варианты постпамяти поколения Y. Доверие к образу советского прошлого может сформироваться только при условии непротиворечивости информации, согласованности действия всех акторов, чего не наблюдается: «несогласованность основных информационных каналов и механизмов коллективной памяти приводит к эффекту разорванной памяти, крайним проявлением которой становится историческая амнезия» [15].

Социальная память молодежи постсоветских стран поддерживается коммеморативными практиками общих советских праздников как на личном, так и на государственном уровне (Табл. 2). С помощью памятных мероприятий люди вовлекаются в процесс воспоминаний, память о прошлом сохраняется и передается, сопрягается «линейная репрезентация исторического времени с ритмами его циклического движения» [18. С. 180], хотя эти праздники, по мнению респондентов, получают некоторое новое звучание в условиях строительства независимых государств.

Таблица 2

Советские праздники, сохраняющие государственный статус и отмечаемые респондентами (в %)

Советские праздники	Страны, в которых сохранился государственный статус праздника	Празднуются респондентами
Новый Год (1 января)	Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан	95,8
Международный женский день (8 марта)	Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан	81
День труда (1 мая)	Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан	54,6
День Победы (9 мая)	Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Молдова, Россия, Таджикистан	84,6
День защитника отечества (23 февраля)	Беларусь, Кыргызстан, Россия, Таджикистан	73,7

Важны для сохранения единого мировосприятия евразийского пространства и религиозные праздники, поскольку они включают в социальную память поколения Y коллективные образы. В интервью информанты из всех стран в качестве особо почитаемых называли из христианских праздников Рождество и Пасху, из исламских — Новруз, Курбан Айт и Наурыз мейрамы, Ураза-байрам, Курбан-байрам.

Производство доминирующих способов интерпретации социальной реальности связано с учреждением новых национальных праздников и традиций, посвященных обретению независимости в 1991 году. Опрошенные граждане Армении главными для страны праздниками назвали: 28 января — День Армии, 24 апреля — День памяти жертв Геноцида, 21 сентября — Праздник независимости; Беларуси: 3 июля — День Независимости; Казахстана: 7 мая — День защитника отечества, 6 июня — День столицы (Нурсултан), 1 декабря — День Первого президента, 16 декабря — День независимости; Кыргызстана: 7 апреля — День народной революции, 31 июля — День независимости; Молдовы: 27 июля — День независимости, 1 марта — Мэрцишор; России: 12 июня — День России, 4 ноября — День народного единства; Таджикистана: 9 сентября — День независимости. Новые праздники оказывают влияние на людей, формируя и изменяя их представления о прошлом, и выполняют разные функции, способствуя становлению национального самосознания и суверенизации. Интерпретируя повествования информантов, можно сказать, что создание новых традиций способствует консолидации народа, формированию национальной идентичности, легитимации власти, трансляции новых ценностей и норм [30]. Однако наиболее значимы для респондентов праздники семейные, которые также способствуют поддержанию социальной памяти молодых (Табл. 3).

Таблица 3

Значимость для респондентов праздников

Праздники	Очень важны	Скорее важны
Национальные (светские)	35,6%	35,9%
Религиозные	34,5%	27,3%
Семейные	63,3%	28%

Во всех постсоветских государствах в ревизии общего прошлого использовалась политизация истории, а для обоснования нового политического курса — меры политической консолидации общества. В 1990-е годы политические элиты активно модифицировали историю и прошлое в контексте текущих политических вызовов (что подтверждается акцентом постсоветских государств на национальных праздниках, отмеченных респондентами как главные после распада СССР, культивирующие независимость и суверенитет), переписывали учебники, меняли государственные символы, а СМИ транслировали новую идеологию, что не могло не повлиять на установки молодых [см., напр.: 1]. Для символического оформления новых политических режимов использовались и визуальные практики: строительство и снос памятников, называние и переименование улиц, использование образов прошлого и создание образа современного героя. Однако такая политика не находит поддержки в молодежной среде: большинство молодых граждан евразийских государств (более 70%) считает нецелесообразной практику

переименования улиц и сноса советских памятников. Более 66% готовы поддержать установку памятника (название улицы, площади в честь) выдающегося российского (советского) деятеля, (поэта, писателя, политика) в их стране сегодня, хотя 63% поддерживают установку памятников, в первую очередь, их национальным героям (чаще граждане Армении — 69%). Респонденты считают, что сегодня в большей степени заслуживают установки памятников герои боевых действий, ветераны — 37,6% (в Армении — 45,1%), деятели культуры, искусства — 21,2%; каждый шестой полагает, что сегодня никто не заслуживает установки памятника. Современных политических лидеров своей страны считают героями 22,5% респондентов, не считают — 58,2% (граждане России в Москве — 73,6%).

В нашем исследовании память о прошлом представлена как эмоциональное отношение к СССР, характеристика фреймовых конструкций советского прошлого, результат сопоставления исторических событий, с которыми респонденты ассоциируют совместное прошлое и историю постсоветских стран после распада СССР, особенности их коннотаций с перечнем знаковых событий, оказавших влияние на социально-экономическое, политическое и социально-культурное развитие Союза и каждой страны. Результаты исследования позволяют зафиксировать доминирующие представления молодежи о СССР. Более половины респондентов (64,5%), независимо от гражданства, отметили, что к советскому прошлому относятся позитивно, 25,5% — скорее отрицательно (ответов «отрицательно» не было). Эти результаты подтверждаются исследованиями наших коллег, которые считают, что в массовом сознании отчетливо артикулируется положительный образ СССР [28. С. 68]. 70% опрошенных отождествляют историю своей страны с историей СССР, 74% полагают, что СССР давал ощущение великой державы, каждый шестой из десяти отметил, что в СССР было как хорошее, так и плохое.

В постсоветской политике памяти евразийских государств используется идея жертвы, страданий народов, входивших в состав СССР, для мобилизации населения и «экспорта вины» [3; 17; 25]. В поколения Y эта идея закрепились в представлениях каждого третьего респондента. С позицией «СССР — это, в первую очередь, притеснение и угнетение моей страны, отсутствие суверенитета и независимости» полностью согласилось 10%, скорее согласны — 20%, независимо от гражданства. Более 60% (за исключением россиян) считают, что все республики были равны.

Наиболее часто в советском прошлом в позитивном ключе упоминались такие характеристики, как дружба (74,9%), доступность качественного образования (66,1%), гарантированное трудоустройство (64,8%), уверенность в будущем (59,6%), доверие (57,4%), равенство (56,5%), доступность качественного медицинского обслуживания (56%), справедливость (51,9%). Многократно отмечалось, что «СССР — великая, крепкая, независимая и сильная держава. Гражданин СССР не мог себя чувствовать ущербным». Среди отрицательных характеристик СССР были названы: дефицит товаров (68,1%), длинные очереди (67%), тоталитарный режим (57,9%) репрессии (56,4%),

отсутствие выбора и свобод (51,2%). Казалось бы, позитивных качеств, которые были названы в глубинном интервью, а затем подтверждены в структурированном интервью, больше, однако 59,4% не сожалеют о распаде СССР, 72,7% не считают распад СССР травматическим для них событием. Больше других беспокоит распад СССР граждан Кыргызстана (травматическое событие — 26,9%), Молдовы (25%) и Таджикистана (24,4%). Более половины (56,4%) не хотели бы сегодня существования Советского Союза.

Основу национального самосознания и гражданской идентичности составляет интерпретация событий. Память о событиях имеет гораздо большее значение для будущего, чем само событие. В советском прошлом большинство респондентов назвали те исторические события, которые критически важны для них лично и которым их общество приписывает первостепенное значение. Значение/важность события для индивида мы определяли по частоте упоминаний и интенсивности суждений: лидирует победа СССР во Второй мировой войне (более 70%): война часто вплетена в контекст истории семьи, высоко оценивается роль СССР и вклад каждой республики в победу над фашизмом. В памяти миллениалов сохранились такие события, как распад СССР (ассоциируется с новыми возможностями и вызовами для бывших советских республик), запуск первого спутника, полет Ю. Гагарина, авария в Чернобыле, война в Афганистане. 23,5% в качестве значимого события отметили создание СНГ, 15% — ЕАЭС. Москвичи чаще отмечали как значимое событие распад СССР (60,3%) и реже — создание ЕАЭС (8,2%).

Также респонденты называли особые события, отразившиеся в судьбах их народов: граждане Армении — землетрясение в Спитаке и помощь всего СССР в ликвидации его последствий, Карабахский конфликт, Бархатная революция 2018 года; Беларуси — авария на Чернобыльской АЭС, обретение независимости; Казахстана — строительство Байконура, реализация космической программы, поднятие целины; России — достижения в области науки, присоединение Крыма, избрание Президентом России В.В. Путина; Кыргызстана — принятие Декларации о независимости, перестройка; Молдовы — конфликт в Приднестровье; Таджикистана — массовые беспорядки, Афганская война. В интервью респонденты вспомнили практически все ключевые события, которые изменили СССР и повлияли на их постсоветское настоящее. За пределами внимания остались некоторые цветные революции, путчи (например, расстрел российского парламента в октябре 1993 года). Видимо, эти события не коснулись опрошенных лично, их общества не приписывают этим событиям важного значения.

Настоящее регулируется воспоминаниями о прошлом, а память выступает фактором проектирования будущего, поэтому судить о содержании социальной памяти молодежи можно по ее отношению к интеграционным процессам на постсоветском пространстве. Поддерживают интеграцию 65% респондентов, относятся отрицательно — 17,6%, при достаточно большой доле (17,4%) затруднившихся ответить. Наибольшая разница между теми, кто относится положительно и отрицательно к интеграционным процессам на

постсоветском пространстве, наблюдается среди граждан Армении — 52,3%, Таджикистана — 51% — и Кыргызстана — 49% (т.е. большинство за интеграцию). В оценке глубины интеграции мнения респондентов расходятся: каждый десятый выступает против интеграционных процессов, 19,7% не определилась (Табл. 4). В высказываниях респондентов, не предполагающих углубления интеграции, типично такое мнение: «*Без интеграции никак, все равно Казахстан под крылом у России. И они — соседи, состояли в СССР. И всегда всякие сотрудничества происходят, поэтому их взаимодействие неизбежно. Но объединение России и Казахстана мало возможно. Если в 1991 так произошло, что Казахстан получил независимость и долгое время просуществовал независимо и стабильно, то должна сохраниться независимость*».

Таблица 4

Возможная степень интеграции страны респондента с другими постсоветскими государствами в Евразии (в %)

Только экономическая интеграция	23,3
Экономическая и политическая интеграция	25,5
Экономическая, политическая и военная интеграция	22,3
Выступаю против любых форм интеграции	9,1
Затрудняюсь ответить	19,7

Высокий уровень ожиданий от ЕАЭС и участия в интеграционных процессах можно объяснить появлением определенного вектора трансформации постсоветских стран и социальной памятью о защищенности в составе мощного интеграционного объединения. Так, по мнению респондентов, через десять лет в странах ЕАЭС снизится число бедных, государство будет развиваться более динамично, оно будет более демократичным, безопасным, помогающим своим гражданам, справедливым, правовым, толерантным, свободным и мультикультурным, и каждая из стран станет богаче, независимее, свободнее и справедливее (Рис. 3).

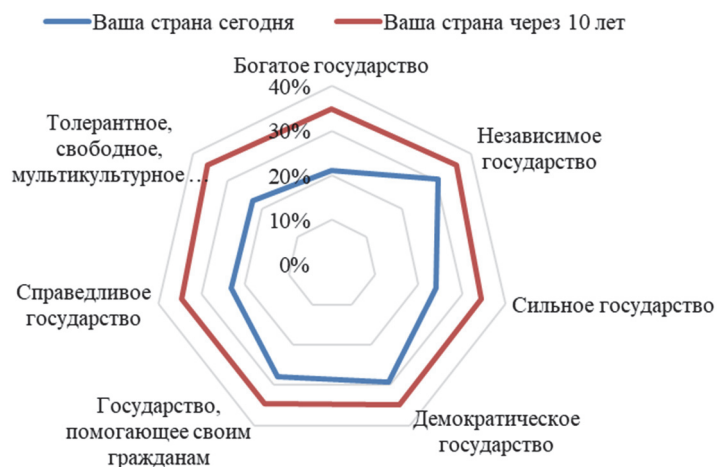

Рис. 3. Перспективы стран в результате интеграционных процессов

Социальная память молодежи — один из ключевых ресурсов успешности интеграционных процессов в Евразии, что подтверждает опыт переформатирования социальной памяти народов Украины и Прибалтики, формирования ими нового политического видения советского прошлого. После распада СССР и другие постсоветские страны в ходе борьбы за символическую власть и легитимацию нового политического и экономического порядка [16] внесли вклад в переосмысление и реинтерпретацию прошлого. Наше исследование показывает результаты усилий по идеологическому обоснованию нового политического курса и позволяет дать оценку вклада акторов политики памяти в формирование представлений молодежи об общем прошлом и настоящем. Так, у 40% опрошенных ни один из каналов информации не вызывает полного доверия в силу противоречивости контента и несогласованности действий акторов. «Образы недавнего прошлого, создаваемые наукой, искусством, транслируемые образованием, идеологией и СМИ» верифицируются «личностными информационными каналами» [15], поэтому респонденты имеют собственные представления о событиях прошлого, настоящем и будущем. Более 60% относится к советскому прошлому позитивно, отождествляет историю своей страны с историей СССР, положительно воспринимает интеграционные процессы, но неоднозначно оценивает разные варианты интеграции, что свидетельствует о некоторой противоречивости социальной памяти молодых граждан постсоветских государств.

Очевидно, что расширение и углубление интеграционных процессов в Евразии требует реконструкции социальной памяти молодежи и консолидации обществ, что невозможно без целенаправленной политики лидеров стран. Для символического оформления интеграционного курса важно продвижение евразийской проблематики в пространство всех постсоветских государств, создание соответствующего дискурса в медиа и повестки публичных дискуссий, примирение и диалог национальных версий общего прошлого, формирование постнациональной социальной памяти с использованием всех доступных инструментов — забвения, актуализации, интерпретации.

Информация о финансировании

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 20-011-00899 «Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции: структура, состояние и механизмы формирования».

Библиографический список

- [1] Армения: как пишут учебники истории // URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131030_history_textbook_armenia.
- [2] Асанова С.А. Об основных факторах поведенческой мотивации воинов казахских национальных войсковых формирований в годы войны (1941–1945) // Мир Большого Алтая. 2019. № 5.
- [3] Ачкасов В.А. Дискурс постколониализма в политике памяти постсоветских государств // Вестник ТГУ. 2019. № 440.

- [4] *Ачкасов В.А.* Политика памяти как инструмент строительства постсоциалистических наций // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 4.
- [5] *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М., 2012.
- [6] *Буюкли Д.А.* Сохранение исторической памяти о вкладе Русской православной церкви в победу в Великой Отечественной войне // Вестник ТГУ. 2019. № 180.
- [7] *Верещагина А.В., Нечипуренко В.Н., Самыгин С.И.* К проблеме определения социальной памяти: понятие, основные характеристики, функции и роль в формировании патриотизма // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Т. 9. № 1/2.
- [8] *Галиев А.А.* Отражение советской истории в политике памяти современного Казахстана // Мир Большого Алтая. 2016. № 2.
- [9] *Гудков Л.* Победа в войне: к социологии одного национального символа // Мониторинг. 1997. № 5.
- [10] *Дмитриева О.О.* Историческая память и механизмы ее формирования: анализ историографических концепций в отечественной науке // Вестник ЧГУ. 2015. № 6.
- [11] *Жанбосинова А.С.* Культурная память и мемориализация Великой Отечественной войны на современном этапе // Мир Большого Алтая. 2015. № 1.
- [12] *Жаркынбаева Р.С.* Великая Отечественная война: социокультурная память и коммеморативные практики в постсоветском Казахстане (гендерный аспект) // Женщина в российском обществе. 2017. № 1.
- [13] *Зерубавель Я.* Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти. М., 2011.
- [14] *Левада Ю.* Время перемен: предмет и позиция исследователя. М., 2016.
- [15] *Мазур Л.Н.* Образ прошлого: формирование исторической памяти // Известия УрФУ. Серия 2: Гуманитарные науки. 2013. № 3.
- [16] *Малинова О.Ю.* Проблема политически «пригодного» прошлого и эволюция официальной символической политики в постсоветской России // Политическая концептология. 2013. № 1.
- [17] *Миллер А.И.* Историческая политика и ее особенности в Польше, Украине и России // Отечественные записки. 2008. № 5.
- [18] *Мильорати Л., Мори Л.* Тень классического наследия и ее преодоление. Память о движении сопротивления и конфликтность памятных мероприятий // Социологические исследования. 2014. № 1.
- [19] *Мысливец Н.Л., Романов О.А.* Историческая память как социокультурный феномен: опыт социологической реконструкции // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [20] *Нарбут Н.П., Троцук И.В.* Социальное самочувствие молодежи постсоциалистических стран (на примере России, Казахстана и Чехии): сравнительный анализ ценностных ориентаций (Часть 1) // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2018. Т. 18. № 1.
- [21] *Папенина Ю.А.* Теоретические основы понятия «социальная память» // Вестник СПбГУ. Серия 12. 2010. № 1.
- [22] *Ретина Л.П.* События и образы прошлого в исторической и культурной памяти // Новое прошлое. 2016. № 1.
- [23] *Ретина Л.П.* Феномен памяти в современном гуманитарном знании // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 3.
- [24] *Сабанчеев Р.Ю.* Концепция «мест памяти» Пьера Нора как способ исторической реконструкции // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем востоке. 2018. № 1.
- [25] *Смирнов В.А.* Роль политических элит в формировании исторической политики в странах Прибалтики // Балтийский регион. 2015. № 2.
- [26] *Тощенко Ж.Т.* Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
- [27] *Троцук И.В.* Помнить или забыть: Значение выбора для прошлого и настоящего // Социологический журнал. 2015. № 1.

- [28] Фокин А.А. Реликты и симулякры советского в современном российском медиапространстве // Лабиринт. 2016. № 1/2.
- [29] Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М., 2007.
- [30] Хобсбаум Э. Изобретение традиций // Вестник Евразии. 2000. № 1.
- [31] Черников П.Ю. Проблема изучения исторической и социальной памяти // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. 2016. № 5.
- [32] Ямпольский М.Б. Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня. М., 2018.
- [33] Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München, 1992.
- [34] Hirsch M. The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust. N.Y., 2012.
- [35] Norra P. La Republique // Les lieux de memoire. Vol. 1. P., 1984.

DOI: 10.22363/2313-2272-2021-21-3-482-496

Formation of the youth's social memory in the Eurasian integration states-participants*

G.I. Osadchaya, E.Yu. Kireev, M.L. Vartanova, A.A. Chernikova

Institute for Demographic Research of FCTAS RAS
Fotieva St., 6-1, Moscow, 119333, Russia
(e-mail: osadchaya111@gmail.com; yegorkireev@gmail.com;
11marinal1@mail.ru; aannyu@yandex.ru)

Abstract. In the past thirty years, social memory of the Eurasian youth has been influenced by many ‘actors of the commemorative space’, who often pursue their own goals in the struggle to legitimize the new political order and their policies of the radical economic transformation. The results of their efforts should be taken into account in the implementation of one of the most important joint projects of the post-Soviet countries — Eurasian integration, because social memory of the youth is the most important resource for its success. The study aims at clarifying and evaluating the mechanisms for preserving information about the past, the peculiarities of the generation Y ideas about the common history and the current stage of the EAEU construction, which are present in the public discourse, and at revealing the relationship between attitudes to the past and to the Eurasian integration, the influence of social memory on the personal worldview, the forms and methods of its reconstruction in the interests of the post-Soviet countries interaction and efficiency of the politics of memory. The formation of social memory is defined as the activity of actors (individuals, groups, organizations, social institutions, communities) aimed at the interpretation of the collective past and common present by the youth of the countries participating in the Eurasian integration. The empirical object of the study — young citizens of the member states and candidates for joining the EAEU (18–38 years old), who live, study or work in Moscow. The article considers the respondents’ assessments of the contribution of each of the actors to the social memory formation and describes social memory of the generation Y as a set of views, feelings and moods reflecting the perception of the Soviet past and the common present. The authors insist on the purposeful policy of the leaders of the countries, participating in the Eurasian integration, to ensure the reconstruction of the youth’s social memory and the consolidation of societies.

Key words: social memory; youth; generation Y; Eurasian integration; politics of memory; actors of the social memory formation

* © G.I. Osadchaya, E.Yu. Kireev, M.L. Vartanova, A.A. Chernikova, 2021
The article was submitted on 13.04.2021. The article was accepted on 04.06.2021.

Funding

The research was supported by the Russian Foundation for Basic Research. Project No. 20-011-00899 “Social memory of the youth in the states-participants of Eurasian integration: Structure, state and mechanisms of formation”.

References

- [1] Armeniya: kak pishut uchebniki istorii [Armenia: how history textbooks are written]. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2013/11/131030_history_textbook_armenia. (In Russ.).
- [2] Asanova S.A. Ob osnovnyh faktorah povedencheskoj motivatsii voinov kazahskih natsionalnyh vojskovykh formirovaniy v gody vojny (1941–1945) [On the main factors of behavioral motivation of the Kazakh national troops during the war (1941–1945)]. *Mir Bolshogo Altaya*. 2019; 5 (2). (In Russ.).
- [3] Achkasov V.A. Diskurs postkolonializma v politike pamyati postsovetskih gosudarstv [Discourse of postcolonialism in the politics of memory of the post-Soviet states]. *Vestnik TGU*. 2019; 440. (In Russ.).
- [4] Achkasov V.A. Politika pamyati kak instrument stroitelstva postsotsialisticheskikh natsij [Politics of memory as a means for creating post-socialist nations]. *Zhurnal Sotsiologii i Sotsialnoj Antropologii*. 2013; 4. (In Russ.).
- [5] Brubaker R. *Etnichnost bez grupp* [Ethnicity without Groups]. Moscow; 2012. (In Russ.).
- [6] Buyukli D.A. Sohranenie istoricheskoy pamyati o vklade Russkoj pravoslavnoj tserkvi v pobedu v Velikoj Otechestvennoj vojne [Preserving the historical memory of the contribution of the Russian Orthodox Church to the victory in the Great Patriotic War]. *Vestnik TGU*. 2019; 180. (In Russ.).
- [7] Vereshchagina A.V., Nechipurenko V.N., Samygin S.I. K probleme opredeleniya sotsialnoj pamyati: ponyatie, osnovnye harakteristiki, funktsii i rol v formirovanii patriotizma [On the definition of social memory: Concept, main characteristics, functions and role in the formation of patriotism]. *Istoricheskaya i Sotsialno-Obrazovatel'naya Mysl*. 2017; 9 (1/2). (In Russ.).
- [8] Galiev A.A. Otrazhenie sovetsoj istorii v politike pamyati sovremennogo Kazahstana [Representation of the Soviet history in the politics of memory of contemporary Kazakhstan]. *Mir Bolshogo Altaya*. 2016; 2. (In Russ.).
- [9] Gudkov L. Pobeda v vojne: k tsociologii odnogo natsionalnogo simvola [Victory in the war: On the sociology of one national symbol]. *Monitoring*. 1997; 5. (In Russ.).
- [10] Dmitrieva O.O. Istoricheskaya pamyat i mekhanizmy ee formirovaniya: analiz istoriograficheskikh kontsepcij v otechestvennoj nauke [Historical memory and mechanisms of its formation: Analysis of historiographic concepts in the Russian science]. *Vestnik ChGU. Istoriya*. 2015; 63 (6). (In Russ.).
- [11] Zhanbosinova A.S. Kulturnaya pamyat i memorializatsiya Velikoj Otechestvennoj vojny na sovremennom etape [Cultural memory and memorialization of the Great Patriotic War at the present stage]. *Mir Bolshogo Altaya*. 2015; 1. (In Russ.).
- [12] Zharkynbaeva R.S. Velikaya Otechestvennaya vojna: sotsiokulturnaya pamyat i kommehorativnye praktiki v postsovetsoom Kazahstane (genderny aspekt) [The Great Patriotic War: Social-cultural memory and commemorative practices in post-Soviet Kazakhstan (gender aspect)]. *Zhenshchina v Rossijskom Obshchestve*. 2017; 1. (In Russ.).
- [13] Zerubavel Ya. Dinamika kollektivnoj pamyati [Dynamics of collective memory]. *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati*. Moscow; 2011. (In Russ.).
- [14] Levada Yu. *Vremya peremen: predmet i pozitsiya issledovatelya* [Time of Change: Questions and Position of the Researcher.]. Moscow; 2016. (In Russ.).
- [15] Mazur L.N. Obraz proshlogo: formirovanie istoricheskoy pamyati [The image of the past: Formation of historical memory]. *Izvestiya UrFU. Seriya 2: Gumanitarnye Nauki*. 2013; 3. (In Russ.).
- [16] Malinova O.Yu. Problema politicheski “prigodnogo” proshlogo i evolyutsiya ofitsialnoj simvolicheskoy politiki v postsovetsoj Rossii [The problem of a politically ‘acceptable’ past

- and evolution of the official symbolic policy in post-Soviet Russia]. *Politicheskaya Konceptologiya*. 2013; 1. (In Russ.).
- [17] Miller A.I. Istoricheskaya politika i ee osobennosti v Polshe, Ukraine i Rossii [Historical policy and its features in Poland, Ukraine and Russia]. *Otechestvennye Zapiski*. 2008; 5. (In Russ.).
- [18] Milorati L., Mori L. Ten klassicheskogo naslediya i ee preodolenie. Pamyat o dvizhenii soprotivleniya i konfliktnost pamyatnyh meropriyatij [Shadow of the classical heritage and its overcoming. The memory of the resistance movement and the conflict of commemorative events]. *Sotsiologicheskie Issledovaniya*. 2014; 1. (In Russ.).
- [19] Myslivets N.L., Romanov O.A. Istoricheskaya pamyat kak sotsiokulturny fenomen: opyt sociologicheskoy rekonstruktsii [Historical memory as a social-cultural phenomenon: An attempt of sociological reconstruction]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
- [20] Narbut N.P., Trotsuk I.V. Sotsialnoe samochuvstvie molodezhi postsotsialisticheskikh stran (na primere Rossii, Kazakhstana i Chekhii): sravnitelny analiz tsennostnykh orientatsiy (Chast 1) [The social well-being of the post-socialist countries' youth (on the example of Russia, Kazakhstan and Czech Republic): Comparative analysis of value orientations (Part 1)]. *RUDN Journal of Sociology*. 2018; 18 (1). (In Russ.).
- [21] Papenina Yu.A. Teoreticheskie osnovy ponyatiya "sotsialnaya pamyat" [Theoretical foundations of the term 'social memory']. *Vestnik SPbGU. Seriya 12*. 2010; 1. (In Russ.).
- [22] Repina L.P. Sobytiya i obrazy proshlogo v istoricheskoy i kulturnoj pamyati [Events and images of the past in historical and cultural memory]. *Novoe Proshloe*. 2016; 1. (In Russ.).
- [23] Repina L.P. Fenomen pamyati v sovremennom gumanitarnom znanii [The phenomenon of memory in contemporary humanities]. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Gumanitarnye Nauki*. 2011; 153 (3). (In Russ.).
- [24] Sabancheev R.Yu. Kontseptsiya "mest pamyati" Pierra Nora kak sposob istoricheskoy rekonstruktsii [The concept of 'places of memory' by Pierre Nora as a way of historical reconstruction]. *Gumanitarnye Issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dalnem Vostoke*. 2018; 1. (In Russ.).
- [25] Smirnov V.A. Rol politicheskikh elit v formirovanii istoricheskoy politiki v stranah Pribaltiki [The role of political elites in the formation of historical policy in the Baltic countries]. *Baltiyskiy Region*. 2015; 2. (In Russ.).
- [26] Toshchenko Zh.T. Istoricheskoe soznanie i istoricheskaya pamyat. Analiz sovremennogo sostoyaniya [Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current situation]. *Novaya i Novejshaya Istoriya*. 2000; 4. (In Russ.).
- [27] Trotsuk I.V. Pomnit ili zabyt: Znachenie vybora dlya proshlogo i nastoyashchego [To remember or to forget: Implications of the choice for past and present]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*. 2015; 1. (In Russ.).
- [28] Fokin A.A. Relikty i simulyakry sovetskogo v sovremennom rossijskom mediaprostranstve [Relics and simulacres of the Soviet in the contemporary Russian media space]. *Labirint*. 2016; 1/2. (In Russ.).
- [29] Halbwachs M. *Socialnye ramki pamyati* [The Social Framework of Memory]. Moscow; 2007. (In Russ.).
- [30] Hobsbawm E. Izobretenie traditsij [The invention of tradition]. *Vestnik Evrazii*. 2000; 1. (In Russ.).
- [31] Chernikov P.Yu. Problema izucheniya istoricheskoy i sotsialnoj pamyati [The challenges of studying historical and social memory]. *Vestnik REU im. G.V. Plekhanova*. 2016; 5. (In Russ.).
- [32] Yampolsky M.B. *Park kultury: kultura i nasilie v Moskve segodnya* [Park of Culture: Culture and Violence in Contemporary Moscow]. Moscow; 2018. (In Russ.).
- [33] Assmann J. *Das kulturelle Gedächtnis. Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen*. München; 1992.
- [34] Hirsch M. *The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture After the Holocaust*. New York; 2012.
- [35] Nora P. *La République. Les lieux de memoire*. Vol. 1. Paris; 1984.